

Социально-политические изменения первых советских лет и преподавание всеобщей истории в высшей школе (на примере ФОН МГУ)

Л. В. Ландина,
кандидат исторических наук доцент,
Белорусский государственный университет
культуры и искусств

Методологические, организационные и социокультурные изменения в исторической науке, произошедшие после 1917 г. и в первые советские десятилетия, уже в течение века привлекают внимание исследователей и насчитывают десятки тематически и идейно разнообразных работ. И это не случайно. Последствием Февральской и особенно Октябрьской революций стала коренная трансформация содержания и направленности российской историографии, занявшая около двух десятилетий. Вместе с тем произошедшее нельзя оценивать упрощенно. В зависимости от области исторического знания и конкретной проблематики изменения отличались неравномерностью и специфичностью. В первую очередь подобные отличия зависели от того, происходили они во всеобщей или собственно российской истории.

Октябрьская революция привела к изменению всех сторон российского общества, причем на протяжении 1920-х гг. вводимые изменения сочетались с дореволюционной традицией, что позволяет выделить первое советское десятилетие в отдельный, переходный, период. Декларируемые большевиками задачи требо-

вали огромную, качественно новую, материальную и интеллектуальную базу, которой не было, что диктовало на первых порах как использование прежних кадров, так и известный идейный плюрализм.

Вместе с тем 1920-е гг. – это период всеобъемлющих экспериментов, охвативших все стороны советского общества. В желании «отречься от старого мира» перестройке подверглось все – государственное управление, экономика, система ценностей, повседневная жизнь. Новое летоисчисление, революционное искусство, имена и праздники, новая школа и мировоззрение – вот далеко не полный перечень сфер, ставших своего рода полигоном для социальных экспериментов 1920-х гг.

Важная роль в переустройстве страны отводилась исторической науке. Историческое знание было призвано создать новую картину мира, доказать правомерность марксизма, неизбежность и прогрессивность прихода большевиков к власти в России, а затем – в мировом масштабе. Нужно было воспитывать молодежь в указанном духе, а старшее поколение убедить в легитимности и благотворности советской власти.

Внедрение новой идеологии и исторической картины мира происходило, например, на советских «революционных празднествах». Их целью было формирование советской масскультуры и новой политической и исторической мифологии [1]. Наряду с центральным персонажем таких зрелищ – Призраком истории, там фигурировали отдельные события мировой истории, которые имели значение лишь как этапы шествия идеи революции и ее носителя – пролетария. Очередность событий не имела значения. Главный смысл имел бой «мирового пролетариата» с «мировой буржуазией» как вселенская борьба Добра со Злом [1, с. 232–235]. Делался акцент на разрушительном начале истории – противопоставлении прошлого, «покоренного и низвергнутого», и «настоящего» [1, с. 236]. Таким образом, приоритетными в обществе были объявлены революционные ценности.

В соответствии с новыми идейными предпочтениями изменялись методология и организация исторической науки. Согласно «Примерным программам по обществоведению и культуроведению», история была упразднена. Обществоведение представляло собой синтез политэкономии, социологии и права, о целостном преподавании речи не велось. История как средство воспитания подрастающего поколения понималась как наука о смене обществ и формаций. Учебников, кроме «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, не было [2, с. 282–284].

Мероприятия организационного характера, предпринимавшие советским правительством в то время, хорошо известны. Так, задача подготовки кадров историков-марксистов была поставлена еще в 1917 г. [3, с. 309]. В середине 1918 г. по инициативе М. Н. Покровского и И. М. Рейснера декретом ВЦИК была учреждена Социалистическая (с 1924 г. Коммунистическая) академия общественных наук – первый

советский научно-исследовательский центр по общественным наукам. Возглавил академию М. Н. Покровский. Огромное значение для идейного и организационного утверждения марксизма имело создание Общества историков-марксистов, которое было тесно связано с Агитпропом ЦК ВКП(б). В частности, устав общества [4] стал предметом пристального изучения в Агитпропе и был утвержден лишь после тщательного его рассмотрения. С середины 1920-х гг. Общество историков-марксистов предприняло издание журнала «Историк-марксист» (1926–1941), ставшего ведущим журналом СССР по проблемам исторической науки. Под названием «Вопросы истории» он существует и сегодня [3, с. 322].

Советское руководство реорганизовало прежнюю университетскую систему, которая должна была стать частью государства диктатуры пролетариата. Происходил процесс лишения университетов автономии. Устами Ленина, Луначарского, Покровского было заявлено, что университетская автономия – это буржуазная идея, что при диктатуре пролетариата никакой автономии быть не может. В университетах действовали большевистские комиссары, имевшие право наложить вето на любое решение администрации, возникли ячейки компартии, состоящие первоначально из студентов рабфаков, получивших широкие права в решении многих университетских вопросов. Реорганизации привели к тому, что к началу 1930-х гг. университетская система в СССР находилась на краю гибели, однако потребности в квалифицированных кадрах диктовали ее восстановление, что и произошло, но уже с полным включением университетов в государственную систему [5, с. 215–216].

Историков-марксистов готовили Институт красной профессуры, организованный в 1921 г., коммунистические университеты, которых в 1930 г. было уже 40 [3, с. 331], а также созданные в 1919 г. факультеты общественных наук (ФОН) как альтернатива историко-филологическим факультетам. Постоянно реорганизовываясь, ФОН просуществовали в Московском и Ленинградском университетах до 1925 г. [3, с. 309–310].

Проблематика послереволюционных преобразований высшей школы и системы подготовки кадров широко освещена в современной историографии, в частности, в монографии Т. И. Калистратовой «Институт истории ФОН МГУ РАНИОН» (1921–1929) [6].

Содержание учебных программ и протоколов заседаний деканата факультета общественных наук Московского государственного университета отражает отмеченную новыми идеологическими акцентами атмосферу 1920-х гг. Так, на зимний триместр 1921 г. было заявлено более 30 учебных курсов, среди которых история партии РКП, общий курс истории религии в связи с общей культурой, финансовый капитал, наука об общественном сознании, основы советской медицины, статистика труда и т. д. [7, л. 1]. Предлагаемые семинары разнообразны – Московское государ-

ство по сказаниям иностранцев, Русь под игом, греческая история, экономическая и социальная история средних веков и др. [7, л. 1об].

Реформирование высшей школы и нехватка марксистских кадров объединяли профессоров разных поколений, например, М. М. Богословского, А. А. Кизеветтера, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина, Р. Ю. Виппера, В. И. Пичету и Н. М. Лукина, С. Д. Сказкина, А. Д. Удальцова [7, л. 10, 17]. Предлагаемые студентам учебные курсы были хронологически и тематически разнообразны, при их отборе соблюдался классовый принцип. Вот, например, распоряжение деканата от 5 февраля 1921 г.: «Семинарий проф. Савина по веку Людовика XIV возобновить, семинарий проф. Н. И. Радцига по абсолютной монархии исключить ... семинарий проф. Пичеты “История Западно-Русского и великорусского дворянства” исключить, а семинарий того же профессора по истории экономических идей во II половине XVIII в. и в I половине XIX в. возобновить» [7, л. 4]. В сентябре 1921 г. руководство ФОН МГУ постановляет «включить в обзорение преподавания курс по истории Греции проф. Д. Н. Егорова и Пригоровского, по древнерусской истории проф. С. В. Бахрушина» [7, л. 40], и вновь соблюдается классовый принцип – «заявление проф. Рождественского о разрешении чтения курса “Структура центральных и местных органов буржуазного общества” – отклонить» [7, л. 41].

Содержание учебных программ ФОН позволяет сделать вывод о том, что при условии прослушивания и усвоения всего комплекса предлагаемых курсов будущий специалист получит качественную и разностороннюю подготовку. Однако не все предлагаемые курсы были обязательны, не соблюдались хронологический порядок и системность в преподавании. Вот, например, последовательность изложения некоторых курсов на общественно-педагогическом отделении ФОН МГУ в 1923/1924 учебном году: «I курс: 1. Политическая экономия... 5. История России XIX и XX в... 6. История Западной Европы в XIX и XX в... II курс: 2. История Интернационала. 4. Один из курсов по истории России XVII–XIX вв. ... 5. Один из курсов по истории Запада» [8, л. 29]. При этом в качестве факультатива студентам 2-го курса предлагалось прослушать методологию истории и... историю Литовско-Русского государства. На 3-м курсе студентов ожидали история Греции, Рима, а в качестве факультативов – история Реформации и Ближнего Востока [8, л. 29 об, 30]. В связи с отмеченным возникает вопрос о качестве усвоения знаний в такой последовательности даже подготовленным слушателем. Насколько это вписывалось в реалии 1920-х гг.?

Набор студентов на ФОН полностью определялся задачами большевиков – в скорейшее время создать новые кадры соответствующего социального происхождения и идеологической направленности. Так, в протоколе заседания деканата факультета общественных наук МГУ от 4 июня 1921 г. зафиксировано

следующее: слушали И. Д. Удальцова (зам. декана. — Л. Л.), который сообщил, что «при Главпрофобре было совещание о приеме студентов на факультеты общественных наук и установлено: по разверстке установить комплект, который был бы обеспечен общежитием и пайком. Преимущество дать командирваемым через ПК Партии РКП, профессиональным организациям и окончившим рабочие факультеты. Принимать по проверке коллоквиума. Если же есть достаточная подготовка — освобождать от коллоквиума...» [7, л. 21].

Еще более конкретная установка об условиях приема в 1922/1923 учебном академическом году была озвучена деканом ФОН Н. М. Лукиным на заседании деканата 6 марта 1922 г.: «Руководиться следующими принципами: 1)...в первую очередь зачисляются окончившие Рабфаки. 2) затем происходит зачисление по командировкам, согласно разверстке ЦК РКП, МК РКП, Губкомов компартии с визой ЦК, всех заинтересованных Наркоматов, Союзов Рабис-Прос и Со-вработников, а также производственных союзов через Губпрофсоветы и отдельно по командировкам ВЦСПС и МГСПС. 3) наконец, в виде исключения прием по индивидуальным заявкам. Все лица, зачисляемые на факультет, как общее правило, подвергаются коллоквиуму, для выяснения степени подготовленности и общего политического развития. От командирваемых наркоматами и Профсоюзами требуется годичный стаж общественной работы. С учебной стороны зачисляемый должен удовлетворять требованиям окончивших школу II ступени или другого учебного заведения, соответствующего по своим учебным планам» [9].

В 1920-е гг. широко применялась идеология «красный студент», подразумевавшая наличие у студента определенных качеств, образов поведения, речи и этапов биографии. Центральным моментом было происхождение из среды рабочих и крестьян (пролетарское происхождение). По инициативе А. В. Луначарского «красным студентом» становился также человек, воевавший в Красной Армии, доказавший тем самым свое «классовое сознание» [10, с. 276]. Однако классовый принцип комплектования вузов был воспринят неоднозначно. Например, Н. К. Крупская критиковала эту систему, считая ее «классовой привилегией», «дворянской навыворот», и утверждала, что главным должно быть не происхождение, а воспитание или перевоспитание в пролетарском духе [10, с. 270–274].

Подобная позиция была понятна — происхождение из рабочих и крестьян не обеспечивало должной подготовки абитуриентов. Жесткая классовая линия плохо сочеталась с надлежащим уровнем будущих специалистов, изначально не получивших систематического образования.

В интересах дел и в условиях нехватки специалистов советское руководство было вынуждено отступить от жесткой классовой линии. Появились такие категории абитуриентов, как «трудовая интеллигенция», т. е. дети преподавателей и учителей, «та-

лантливые», «успешно закончившие» средние школы [10, с. 280–281].

Таким образом, провозгласить классовый принцип подготовки историков-марксистов было намного легче, чем реализовать его на практике. Однако наиболее проблематичной в становлении советской марксистской историографии была все же не подготовка кадров, а то, на какой основе это проводилось, т. е. идейно-методологическая ломка, тесно связанная с внутри- и межпартийной борьбой в советском обществе.

Утверждение марксистской методологии как единственно правильной, роль в этом процессе партийных решений и административного диктата, а также проявления и последствия установленного сверху методологического монизма давно уже превратилось в самостоятельное поле рефлексии. При этом репрессивный механизм проведения подобных мероприятий, его проявления и последствия создали целый массив литературы. Вместе с тем методологическая ломка 1920-х гг., при всей ее неоднозначности и трагизме, была все же более сложным, глубинным явлением, требующим отдельного внимания и осмысления.

Во-первых, марксизм уже с конца XIX в. был популярен в российской интеллектуальной среде, в том числе у либералов-западников, которыми были историки «русской школы». Например, Н. И. Кареев уже после Октябрьской революции написал «Основы русской социологии», где целая глава посвящена марксизму и марксистской мысли в России. На М. М. Ковалевского, по сравнению с его коллегами, марксизм оказал наибольшее влияние, хотя сам он марксистом не был.

Предметно сочеталось с марксизмом и традиционное для «русской школы» новой истории социально-экономическое направление исследований. Примерами могут служить исследования по истории крестьянства и аграрной истории предреволюционной Франции Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, аграрной истории Англии П. Н. Виноградова и А. Н. Савина. О том, насколько была популярна созвучная марксизму революционная проблематика у историков «русской школы», написано много, причем первым историографом изучения Французской революции и автором многочисленных работ на эту тему был Н. И. Кареев. Либералы-западники, российские новисты особенно выделяли Английскую и Французскую революции как события, заложившие основы реформаторского и революционного образцов государственного развития. К сказанному остается добавить, что основателем «русской школы» новой истории традиционно считается В. И. Герье, начавший в России систематическое изучение Французской революции.

Новые социально-политические реалии изменяли и проблемное поле исследования и преподавания. При этом период Новой истории, богатый на революционные события, был очень востребован. Так, проблематика Новой истории включала изучение Английской

революции и аграрного строя предреволюционной Англии (С. И. Архангельский), Великой Французской революции, особенно ее якобинского этапа (Н. М. Лукин), термидорианского переворота (П. П. Шеголев, К. П. Добролюбский), народных движений периода Французской революции, периода наполеоновских войн, формирование идей утопического социализма (В. П. Волгин) и др. В 1941 г. вышел обобщающий труд «Французская буржуазная революция 1789–1794» под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Изучение буржуазных революций неизбежно приводило к исследованию их предпосылок, а именно к проблеме государственного строя Европы раннего Нового времени, т. е. рассмотрению европейского абсолютизма, что соотносилось и с проблематикой российской абсолютной монархии.

Внимание к государственному строю Европы и России было далеко не случайным. Революционная тематика, по понятным соображениям, была излюбленной в советской историографии. Однако при сравнении степени идейных и ценностных изменений в европейских и российских сюжетах по указанным направлениям наблюдается значительное расхождение.

Негативное отношение к западноевропейскому абсолютизму как системе, исчерпавшей свой потенциал и приведшей к буржуазным революциям, будет взято советской историографией из дореволюционной либеральной традиции. Оно и останется в советской медиевистике и новистике до конца 1980-х гг. и по инерции сохранится в дальнейшие годы. Эта преемственность, не комментируемая советскими историками и ставшая общим местом в постсоветской историографии, в полной мере проанализирована в работе А. В. Чудинова «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа». А. В. Чудинов на основе сопоставления работ дореволюционных и советских историков Н. И. Кареева, Н. М. Лукина, А. З. Манфреда, В. Г. Ревуненкова продемонстрировал, как и почему негативизация абсолютизма, понимаемого как неограниченная деспотическая власть, была взята советской историографией из дореволюционной традиции [11, с. 265–266].

Совершенно иная ситуация возникла при рассмотрении российской абсолютной монархии. Так, до Октябрьской революции существовали различные методологические и идейные ее интерпретации – от консервативно-монархической до марксистской. Наиболее влиятельной была государственная школа, в соответствии с установками которой ведущим в процессе российской истории было развитие государственных институтов. Основателями и видными представителями данного направления являлись К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин. Наибольшего развития идеи «государственной школы» достигли в научном наследии С. М. Соловьева. С именем же ученика С. М. Соловьева В. О. Ключевского, создавшего на основе позитивистской методологии комплексную, оригинальную концепцию истории России, связывают расцвет рос-

сийской дореволюционной историографии. «Государственная школа» сформулировала также теорию «закрепощения сословий государством». Суть ее состояла в том, что в условиях строительства Российского государства, при постоянной необходимости отражать внешнюю опасность и осваивать новые территории, государство направляло все усилия на наращивание военной мощи, увеличение и обеспечение служилого сословия. Соответственно, и крестьянство, и купечество, и дворянство были поставлены в жесткую зависимость от государства, что проявилось как в крепостном праве, так и в неукоснительной военной службе дворян. По мере достижения целей государственной властью происходит «освобождение сословий» – сначала дворянства, затем купечества и, наконец, крестьянства, причем между освобождением дворян и крестьян прошло сто лет. Подобная теоретическая схема была оптимальна для дореволюционной российской историографии, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, она уравнивала перед самодовлеющим государством все классы и сословия, снимая проблематику классовой борьбы, впоследствии краеугольного тезиса марксистской историографии. Во-вторых, была актуальна в условиях мероприятий, проводимых при подготовке и отмене крепостного права, а также проведении других реформ 1860–1870-х гг.

Понятно, что в условиях совершившихся Февральской и Октябрьской революций, свержения монархии, а затем прихода к власти большевиков все иные трактовки истории России, кроме марксистской, стали совершенно неприемлемы. И если в интерпретации западноевропейского абсолютизма, явления достаточно далекого для российского общества территориально и хронологически, был воспринят традиционный для либеральной историографии его негативизм и даже сама концептуальная основа, то в отношении российской монархии наблюдалась иная ситуация. Во-первых, свергнутая российская монархия в принципе не могла быть никакой иной, как резко негативной. Во-вторых, трактовки европейского и российского абсолютизма, ранее различные, были сведены в единую марксистскую формационную схему с антагонистическими классами, классовой борьбой и безусловной правомерностью революций. Символом идейного противостояния и драматизма этого процесса являются научное наследие и судьбы двух знаковых фигур ранней советской историографии – академиков С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского. Непримиримые противники, вышедшие, тем не менее, из одной историографической традиции, они оба стали жертвами идеологической ломки 1920-х гг. Осужденный по «академическому делу» и сосланный, С. Ф. Платонов скончался в 1933 г. М. Н. Покровский, еще при жизни критиковавшийся за свои взгляды, в 1932 г. умер академиком. Несмотря на это он и его школа подверглись разгрому, имя Покровского ассоциировалось с антимарксизмом, и только на рубеже 1950–1960-х гг. научное наследие М. Н. Покровского стало

более объективно изучаться. С. Ф. Платонова реабилитировали и восстановили в звании академика только в 1967 г. [12].

В 1920-х гг. абсолютизм расценивался как «государство торгового капитала» согласно «школе Покровского», а во второй половине 1930-х гг. – как «дворянское государство» в русле концепции «равновесия». Несмотря на некоторую разницу обеих трактовок, восходящую к различной интерпретации марксизма в идейно-политической борьбе внутри советского руководства, общими для них были включение истории России в общеевропейский контекст, обоснование схожести европейского и российского абсолютизма, а также причин и результатов буржуазных революций. Во вписанной в формационную схему модели абсолютизма правовой аспект был сведен к минимуму, а социологический – максимально развернут. Соответственно, было сформировано проблемное поле абсолютизма, где главное место занимал анализ социально-экономического положения, а затем производные от него классовая борьба, внутренняя и внешняя политика.

Таким образом, в переходный период 1920-х гг. провозглашаемые советской властью цели в области среднего и высшего исторического образования отставали от их реализации по организационным и кадровым причинам. Методологические изменения также не были одномоментными и равномерными. Данное обстоятельство диктовалось не только необходимостью на первых порах сохранения дореволюционной кадровой и методической базы, но и спецификой конкретной проблематики. Так, наиболее политически и идеологически заостренным был комплекс проблем российской истории, в частности, российского государства, сословий, монархии и их исторических судеб. В этой области методологическая и идейная ломка была наиболее радикальной. Что же касается аналогичных проблем западноевропейской истории, то советской историографией в целом была воспринята точка зрения либеральных российских историков. Разумеется, в нее были внесены коррективы, в частности, доминирующим подходом в изучении западноевропейских монархий был выбран социологический, а не правовой, как это было ранее. При этом негативизация западноевропейского абсолютизма перешла из дореволюционной историографии в советскую. Итогом методологических и идейных трансформаций

было создание общей марксистской концепции исторического процесса, объединяющей в едином историческом процессе Европу и Россию.

Список использованных источников

1. Малышева, С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов / С. Ю. Малышева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 10. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 231–254.
2. Ястер, И. В. Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920–1930-х гг. / И. В. Ястер // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 10. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 282–288.
3. Наумова, Г. Р. Историография истории России: учебное пособие / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. – 2-е изд. – М.: Академия, 2009. – 480 с.
4. Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. – 1926. – Т. 1. – С. 320–322.
5. Аврус, А. И. Власть и университеты в России / А. И. Аврус // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 10. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 206–218.
6. Калистратова, Т. И. Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921–1929) / Т. И. Калистратова. – Н. Новгород, 1992. – 216 с.
7. Протоколы заседаний деканата факультета Общественных наук за 1921 г. (подлинные) // Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). – Фонд 1609. – Оп. 6. – Д. 24.
8. Протокол заседания деканата ФОН I Московского государственного университета от 24. VIII. 1923 г. // ЦГА Москвы. – Фонд 1609. – Оп. 6. – Д. 69. – Лл. 29, 29 об. 30.
9. Протокол заседания деканата ФОН I Московского государственного университета от 6 марта 1922 г. // ЦГА Москвы. – Фонд 1609. – Оп. 6. – Д. 40. – Л. 14.
10. Андреев, Д. А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа / Д. А. Андреев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 20. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 270–284.
11. Чудинов, А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Французский ежегодник 2005: абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). – М.: КомКнига, 2005. – С. 259–293.
12. Ляхович, Л. В. Проблема российской монархии как пример идейного и научного противостояния в историографии 20-х гг. XX в. (концепции С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского) // Л. В. Ляхович / Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. докт. филос. наук, проф. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2012. – Вып. 12, ч. 1. – С. 184–190.

Аннотация

В статье раскрыты идейные, организационные и предметные трансформации в российской советской историографии первого послереволюционного десятилетия. Показаны проявления и характер изменений в системе подготовки кадров, данные процессы проиллюстрированы архивными материалами. Выявлены специфика и причина неравномерности методологических и предметных трансформаций в российской исторической науке 1920-х гг.

Summary

The article reveals the ideological, organizational and substantive transformation in the Russian Soviet historiography in the first post-revolutionary decade. The manifestation and the nature of changes in the system of training are shown and illustrated with archive materials. The specifics and the cause of non-uniform methodological and substantive transformations in the Russian historical science of the 1920s are revealed.